На самом деле, если хорошенько подумать, в словах этих можно было обнаружить некоторые несостыковки.

Но вечно наблюдательный и предусмотрительный Тан Фань на этот раз ничего не заметил. Голова была забита лишь тем, что только что сказал Суй Чжоу.

Заметив, каким на редкость нежным взглядом Суй Чжоу глядит на него, он должен был почувствовать облегчение, но почему-то совершенно не был счастлив.

— Тогда… Тогда поздравляю от всей души, – сухо проговорил Тан Фань.

— Спасибо, – Суй Чжоу похлопал его по плечу: – Вы знаете друг друга, а мы с тобой почти как братья, так что даже после того, как я женюсь, можешь продолжать жить здесь и не торопиться съезжать.

Слова эти, казалось, были намеренным предупреждением Тан Фаню.

Услышав их, Тан Фань понял, что после женитьбы у Суй Чжоу будет своя семья и своя жизнь. Какими бы хорошими друзьями они с Суй Чжоу ни были, Тан Фань для него станет посторонним. К тому же, разве у Тан Фаня не было собственного дома? Нельзя же быть настолько толстокожим и наглым, чтобы не съехать, верно?

— После того, как я женюсь, – продолжал Суй Чжоу, – ты можешь по-прежнему есть тут. Моя двоюродная сестра никогда не работала по дому, но она приведет с собой служанок, которые будут готовить. Даже если меня не будет дома, здесь всегда будет еда.

После этих слов господин Тан еще больше расстроился.

Видя, как тот поник, как побитая собака, Суй Чжоу недоуменно спросил:

— Разве ты сам не хотел, чтобы твоя сестра нашла мне кого-нибудь? Почему же так расстроился, узнав, что я собираюсь жениться?

— Чего мне расстраиваться? – рассеянно улыбнулся Тан Фань. – Просто это так неожиданно.

Спокойный голос достиг его уха, будто погружая в транс:

— Жуньцин, не принимай близко к сердцу те грязные вещи, что я сказал тебе тогда. Закрой на них глаза, отныне мы с тобой будем братьями, как и прежде.

Господин Тан пару раз согласно хмыкнул и натянул на лицо улыбку:

— Какие грязные вещи? Я уже и не помню.

— Это хорошо, – Суй Чжоу бросил на него глубокий взгляд.

После ужина Тан Фань сделал вид, что идет помогать племяннику с домашним заданием, а сам,

выйдя из дома Суй, вместо того, чтобы идти к соседнему дому, отправился в совершенно другом направлении.

Слова: “Сердце радуется при виде тебя, может ли твое сердце ответить тем же?” – эхом отдавались в голове, приводя его мысли в хаос. Сам того не заметив, он подошел к чьему-то особняку.

Тан Фань поднял руку и постучал в ворота. Спустя некоторое время те отворились.

Перед ним стоял Вэй Мао.

— Эй, это же господин Тан? – удивился тот.

— Командующий Ван здесь? – спросил Тан Фань.

— Здесь! Сегодня его превосходительству не нужно нести службу во дворце, так что он отдыхает здесь. Пожалуйста, проходите!

По возвращении во дворец Ван Чжи пришлось изрядно потрудиться, чтобы вернуть под свое крыло своих разбитых и подавленных союзников и вновь собраться с силами. С императором совладать оказалось легко: стоило тому увидеть Ван Чжи, как он вспомнил о закрытии Западной Ограды и, почувствовав себя виноватым, подарил Ван Чжи дом за пределами дворца, в котором тот мог коротать дни, когда не был занят на службе.

Теперь командующий Ван, хоть и добился огромных успехов на границе, в глазах окружающих был подобен тигру без когтей, об которого любой мог безнаказанно вытереть ноги. Те, кому прежде досадила Западная Ограда, сейчас тайно или явно чинили ему препятствия, так что Ван Чжи приходилось тратить все свои силы на этих личностей; где следует, давать отпор, сводить счеты с теми, кто давно ему задолжал, а при необходимости и закрывать глаза на нападки.

Командующему Вану пришлось научиться сдержанности и терпению, он больше не мог вести себя так претенциозно, как во времена, когда возглавлял Западную Ограду. Хоть особняк этот и был подарен императором, снаружи он выглядел неприметным и не особо отличался от соседних домов. Однако войдя и осмотревшись, посетитель будто попадал в другой мир.

Ван Чжи уже собирался отойти ко сну, когда нагрянул Тан Фань. Услышав, что кто-то пришел, он был вынужден наспех облачиться в верхние одежды и с нетерпеливым выражением лица выйти навстречу.

— Что привело тебя сюда на ночь глядя?

Ему не дали поспать, так что говорил он, естественно, не особо приветливо.

Кто ходит в гости по ночам?

— Я только поужинал, а ты уже спишь? – оторопел Тан Фань.

— Конечно, – рассердился Ван Чжи. – Думаешь, я во дворце целыми днями в потолок плюю?! Что там у тебя? Рассказывай живее! Вэй Мао, чаю не нужно, он уйдет, как закончит!

Тан Фань: “…”

Вэй Мао беспомощно улыбнулся Тан Фаню, извиняясь за плохое настроение командующего Вана, и вышел, чтобы все-таки отдать распоряжения приготовить чай.

Тан Фань вздохнул.

Ван Чжи прежде никогда не видел его таким подавленным, так что несколько растерялся.

Что-то… не так?

— Ну что? Ты кого-то обидел? На тебя опять донесли?

Тан Фань снова вздохнул.

Ван Чжи: “…”

— У тебя есть вино?

Вопрос этот окончательно сбил Ван Чжи с толку:

— Ты прибежал ко мне посреди ночи, чтобы выпить?

— На пьяную голову избавляются от тысячи забот.

— Либо рассказываешь, либо Вэй Мао тебя выпроваживает.

Тан Фань глубоко вздохнул. Третий раз за ночь.

— Я столкнулся с серьезной проблемой и не знаю, как быть.

— В этом мире есть проблемы, которые ты не в состоянии решить? – поднял бровь Ван Чжи.

Слова Тан Фаня его заинтриговали.

Когда слуга из особняка Ван принес чай, Ван Чжи велел ему: “Тащи вместо него вино”.

После двух чаш Тан Фань немного захмелел. Он собирался налить себе еще одну чашу, но Ван Чжи больно, до красноты, ударил его палочкой по тыльной стороне ладони.

— Быстро рассказывай, в чем дело, – недовольно бросил командующий Ван.

— Ты такой жадный, вина мне пожалел! – обиделся господин Тан.

“Ты же и трех чаш не выпил, – удивился про себя Ван Чжи. – Когда успел напиться?”

К счастью, у Тан Фаня и в мыслях не было дразнить его, утаивая правду. Он просто думал, как бы поаккуратнее выразиться.

— Кое-кто признался мне в любви.

— О-о-о, – интерес Ван Чжи тотчас угас, поскольку вопрос явно не имел ничего общего с политикой.

Но Тан Фаня не волновало, интересно командующему Вану или нет.

— Я отверг этого человека, – продолжал он, говоря сам с собой. – И теперь он вступает в брак, но мне… мне как-то нехорошо на сердце.

— Это доказывает, что она тебе нравится, – Ван Чжи попал прямо в цель. – И раз уж вы оба любите друг друга, иди к ее родителям. Ты чиновник четвертого ранга, не женат и на лицо вроде не урод. Ее родители не будут против. Ладно, дело сделано. Управляющий, проводи гостя!

Тан Фань: “…”

“Можешь проявить хоть каплю сострадания?”

— Мы с этим человеком не можем быть вместе.

— Почему это? – поднял бровь Ван Чжи. – Она замужем?

Тан Фань покачал головой.

— Она из борделя?

Тан Фань покачал головой.

— Ты чем-то болен и не можешь иметь близость?

Тан Фань: “…”

— Я угадал?

Тан Фань яростно покачал головой.

— Если не скажешь, я тебя побью.

— Это… это мужчина, – нерешительно проговорил господин Тан.

Ван Чжи нахмурился, по-прежнему глядя на него.

Тан Фань отвел взгляд и залпом осушил еще несколько чаш вина. Обычно горькое и обжигающее, теперь вино казалось неожиданно освежающим. Жар подступил к горлу. Щеки порозовели.

Ван Чжи сидел с нечитаемым выражением лица, а потом вдруг спросил:

— Это же не Суй Гуанчуань?

Тан Фань поперхнулся и закашлялся, из глаз брызнули слезы.

Лицо Ван Чжи приняло непроницаемое выражение.

Он не выразил ни презрения, ни удивления.

Дело было не в том, что командующий Ван обладал прогрессивным мышлением или широкими взглядами, а в том, что во времена Великой Мин гомосексуальные отношения между мужчинами были довольно распространенным явлением. Чиновникам было запрещено пользоваться услугами проституток, но в каждом законе есть лазейки. Если с женщинами развлекаться нельзя, то с мужчинами можно, не так ли?

Обычные бордели по прежнему существовали, но, дабы не лишиться прибыли, им приходилось идти в ногу со временем. Южный ветер (□□, омонимично □□ - “мужской ветер”, метафора гомосексуализма, любви между мужчинами) приобрел популярность. Особенно распространен он был на юге.

Так что хоть случаи, когда один мужчина признавался в чувствах другому, и не были обычным делом, в Великой Мин они не представляли из себя такое уж редкое явление.

— Ха-ха! Я давно подозревал, что у этого парня нехорошие намерения на твой счет. Так вот почему ты тут. Но раз ты тоже в нем заинтересован, то почему отказал?

Тан Фань пьяно насупился:

— Я хочу продолжить род Тан. Да и он не может не жениться и не завести детей. Но я считаю, что пара должна быть одна на всю жизнь. Любить друг друга, не подводить и не обременять. Лучше просто… просто… Ты понимаешь?

— Нет.

Тан Фань: “…”

— Ты будешь мне о продолжении рода затирать?

Тан Фань: “…”

Он внезапно вспомнил, кем был его собеседник.

Будучи евнухом, Ван Чжи не мог воздать дань предкам и продолжить род. Самым распространенным выходом в таком случае было усыновление. Так поступали многие евнухи. Те, у кого были родственники, усыновляли их детей, а у кого не было, выбирали кого-нибудь на стороне.

Простым людям было не стыдно иметь в качестве родственника могущественного евнуха. Они даже гордились этим, ведь это приносило им богатство.

Но говорить о продолжении рода в присутствии евнуха… Кхм, довольно оскорбительно.

Тан Фань уставился на него большими невинными глазами.

— Рука чешется тебя ударить, – усмехнулся Ван Чжи. – Изобью тебя и брошу к его ногам. Авось сжалится и не женится.

Господин Тан молча поджал губы.

Напившись, он вел себя еще более по-детски, чем когда был трезв.

Каждый раз, излагая хитроумные планы, он выглядел и вел себя как зазнайка. Но почему именно сейчас так и хотелось врезать ему по физиономии?

Но чтобы потом не схлопотать от Суй Чжоу, Ван Чжи пришлось подавить этот порыв и подозвать к себе Вэй Мао.

— Сходи приведи Суй Гуанчуаня. Пусть заберет его.

Вэй Мао согласно кивнул. Не прошло и минуты, как он вернулся обратно в сопровождении Суй Чжоу.

Ван Чжи приподнял бровь.

Вэй Мао сделал шаг вперед и прошептал:

— Ваш покорный слуга столкнулся с ним снаружи. Не знаю, как долго он стоял у ворот.

— Раз так переживаешь, зачем все усложнять? – презрительно фыркнул Ван Чжи.

Суй Чжоу не сводил глаз с пьяного Тан Фаня.

Тот не заметил его прихода, продолжая тупо пялиться в пустую чашу.

Не отнимая взгляда от Тан Фаня, Суй Чжоу ответил Ван Чжи:

— Если не поймет, что теряет, он сбежит.

— Ну я и спрашиваю, зачем так усложнять? Жениться, завести детей и при этом любить, кого хочешь – обычное дело. Кто тебя остановит?

Суй Чжоу покачал головой:

— Поскольку я не потерплю, чтобы подле него был кто-то еще, я не заставлю и его терпеть подобное.

Ван Чжи дважды прицокнул, давая понять: “Мне вас не понять” и “Не хочу с тобой больше говорить”.

— Ладно-ладно, уведи его скорее. Не мешайте мне спать. Что за чушь? Мне завтра рано во дворец вставать. Идите-идите!

Хозяину дома не пришлось долго махать руками и прогонять непрошенных гостей. Суй Чжоу быстро подхватил Тан Фаня и ушел.

То, что Тан Фань был обжорой, не означало, что он умел пить.

Несколько чаш “Горящих ножей” (крепкое рисовое вино) свалили его с ног и развязали язык, позволив всем желающим разглядеть, что творится у него на сердце.

Пока его несли, он все еще пребывал в оцепенении, будто погрузился в сон.

— Гуанчуань? – неуверенно позвал Тан Фань, лежа на спине Суй Чжоу.

— Угу.

— Почему ты здесь? Разве я не у Ван Чжи дома? – растерянно спросил Тан Фань.

— Ты пьян. Я веду тебя домой.

— О… Ты не женишься?

Суй Чжоу: “…”

Неизвестно, ответил ли тот и, если ответил, то что: господин Тан не удержался, опустил голову и заснул.

На следующий день Тан Фань проснулся с головной болью и расплывчатыми образами о прошлой ночи. Сказать, что он совершенно все забыл, было нельзя. Какие-то смутные воспоминания остались, но, что он конкретно говорил и не наговорил ли чего лишнего, он не помнил.

Суй Чжоу спрашивать было стыдно и неловко, а Ван Чжи был очень занят и никак не мог каждый день прохлаждаться у себя в особняке за пределами дворца.

Тан Фаню ничего не оставалось, кроме как снова прикинуться дурачком.

Однако кое-кто был не в силах смотреть на его спектакль. Через пару дней его разыскала Тан Юй.

— Я расспросила Гуанчуаня, и он сказал, что у него уже есть кое-кто на примете, так что мне не нужно его ни с кем знакомить.

Тан Фань оторопел, тотчас вспомнив о том, как тот сказал, что собирается жениться на своей двоюродной сестре из семьи Цяо, а затем, припомнив, что той ночью, когда он напился, тот, кажется, говорил, что не будет жениться, выругался про себя: “Суй Гуанчуань, мерзавец! Пытаешься усидеть на двух стульях?!”

И как бы между прочим спросил:

— И в кого же он влюблен? Почему я не знаю?

Тан Юй вздохнула и, вместо того чтобы ответить на вопрос, продолжила:

— Пушистик, будь честен со своей сестрой. Ты пока не собираешься жениться?

Видя ее строгое выражение лица, Тан Фань серьезно ответил:

— Да. Меня носит то туда то сюда, и я постоянно подвергаюсь опасности. Было бы неправильно жениться на хорошей девушке и обречь ее на постоянные переживания.

В таком случае, пограничникам что, вообще нельзя жениться и заводить детей?

Тан Юй скосила на него взгляд, прекрасно зная, что все это лишь оправдания, но обличать его не стала. После долгого разговора с Суй Чжоу она несколько поменяла свой взгляд на некоторые вещи.

Как бы то ни было, в семье Тан были лишь они двое: брат и сестра, – и полагаться они могли лишь друг на друга. Их родители давно умерли, так что старшая сестра заменила Тан Фаню мать. Конечно, Тан Юй хотелось бы, чтобы тот женился и завел детей, продолжил род ветвью на фамильном древе, а еще больше она хотела, чтобы ее младший брат был счастлив.

Тан Юй видела, что Тан Фань сейчас сбит с толку, сам, вероятно, не зная, чего хочет, и ни за что не хотела, чтобы ее младший брат прошел через то, через что пришлось пройти ей с Хэ Линем.

Муж и жена, муж и жена… Муж говорит – жена делает – вот что значит “муж и жена”. А без симпатии друг к другу ее младший брат с будущей женой будут несчастливы, не так ли?

Конечно, было бы лучше, чтобы Тан Фань поступал так, как сам хочет.

И Тан Юй решила: жизнь одна, так что человек должен прожить ее счастливо, делая все, что душа пожелает. Зачем вешать на него кандалы?

Не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступили с тобой. Конечно она не могла заставить Тан Фаня сделать то, от чего сама бы отказалась.

После долгих размышлений Тан Юй решила поднять еще один вопрос:

— Пушистик, как думаешь, сможет ли Цилан сменить фамилию на “Тан”?

Услышав эти слова, Тан Фань нахмурился:

— Сестрица, ты всерьез восприняла гневные речи Цилана?

Тан Юй покачала головой:

— Я просто думаю, что у семьи Хэ и так внуков полно. После всего, что Хэ Линь тут устроил, у него еще наглости хватило предложить развестись. Мы можем воспользоваться этой возможностью и выдвинуть условие.

— Думаешь, все так просто? – горько улыбнулся Тан Фань. – Цилан – связующее звено между семьями Тан и Хэ. Смена фамилии будет означать окончательный разрыв с Хэ. Они не пойдут на такую глупость.

Когда дело доходило до вещей подобного рода, мозги господина Тана тотчас становились полезными.

Выслушав его, Тан Юй несколько обеспокоенно нахмурила брови:

— И как тогда быть?

— Сестра, Цилан еще мал и наговорил все это, разозлившись. Ты действительно хочешь, чтобы он так просто сменил семью? Это не шутки. Когда вырастет и столкнется с пересудами, боюсь, станет винить тебя.

— Я уже говорила с Циланом на эту тему. Он не так уж и мал. Мне больше не нужно скрывать от него, как обстоят дела. Он сказал мне, что действительно хочет сменить фамилию и не желает возвращаться в семью Хэ.

Настоящая причина, по которой Тан Юй хотела разорвать отношения с семьей Хэ, заключалась в другом. Теперь, когда чиновниками стали уже двое сыновей господина Хэ, если что случится, их семья будет пользоваться связями с семьей Тан и каждый раз просить о помощи. Ради нее и племянника Тан Фань не сможет отказать им, а Тан Юй не хотела доставлять неприятности своему младшему брату.

Тан Фань посерьезнел:

— О чем он вообще думает? Второй Хэ совершил много дурного, но по крови и закону он все еще отец Цилана. Если Цилан откажется признать его, как отца, общество не примет этого. Его повсюду станут осуждать и попрекать.

— Дело не в том, что он отказывается от своего отца, – покачала головой Тан Юй, – а в том, что он не хочет связываться с семьей Хэ. До твоего прибытия он постоянно подвергался издевательствам на занятиях клана. Его одноклассники знали, что отцу наплевать на него, и со временем становились все более жестокими. Мне он боялся рассказать. Я узнала обо всем, только когда обнаружила на его теле следы.

— Коли так, то почему мне не сказала, пока я был в доме Хэ? – Тан Фань пришел в ярость. – Я бы преподал им урок!

— И что бы ты сделал? – рассмеялась Тан Юй. – Это дети возраста Цилана. Если бы дал им отпор, был бы ничуть не лучше тех, кто измывается над слабыми, разве нет? Цилан был слаб, а я, его мать, не смогла его защитить.

— Тебе не подобало вмешиваться, зятю было все равно, а семья Хэ, что, ослепли? Господину Хэ тоже было все равно?

— Цилан сказал, – немного помолчав, ответила Тан Юй, – что сын третьего Хэ был одним из тех, кто издевался над ним, так что господин Хэ закрывал на происходящее глаза.

Если бы издевательства стали слишком жестокими, старик Хэ конечно вмешался бы, но это были лишь небольшие детские драки. Третий Хэ был его младшим сыном – не удивительно, что старик Хэ был несколько предвзят.

Тан Фань и раньше знал, что над Хэ Чэном в доме Хэ издевались, но не думал, что все это оставило в его душе настолько глубокий след, что он не хотел больше возвращаться в семью Хэ.

Если подумать, равнодушие отца, забитый характер и постоянные упреки в адрес его матери, привели к тому, что одноклассники отказывались принимать его. Даже его двоюродный брат, что под влиянием взрослых был настроен против Хэ Чэна. Дети зачастую ведут себя более грубо и жестоко, чем взрослые.

Все это оставило на сердце Хэ Чэна незаживающие шрамы. Если бы Тан Фань не вмешался, тот, скорее всего, вырос бы таким же, как и второй Хэ.

После этих размышлений мнение Тан Фаня о семье Хэ ухудшилось.

— На самом деле, есть шанс полностью порвать все отношения с семьей Хэ, – натолкнувшись на вопросительный взгляд Тан Юй, Тан Фань рассмеялся: – Слышал, в этом году будут проводить дополнительный императорский экзамен.

Во время больших праздников, таких как юбилей императора или вдовствующей императрицы, рождение принца и других, Сын Неба мог, вместо великой амнистии, повелеть провести дополнительные экзамены.

Для ученых по всей стране, что еще не сдали императорский экзамен, это было чрезвычайно радостным событием, ведь у них появлялся еще один шанс сдать императорский экзамен и поступить в Императорскую Академию.

Заметив, что Тан Юй не поняла, что тот имеет в виду, Тан Фань объяснил:

— Второму Хэ ведь не терпится стать чиновником? Если сумеет сдать провинциальный экзамен, получит право вступить в должность. Однако тут он столкнется еще с одной

проблемой: монахов много, а каши мало, но я, возможно, смогу помочь ему заполучить должность. Пусть и не в столице, а в другой провинции. При условии, что он откажется от тебя с Хэ Чэном. Если он сам решит развестись, семья Хэ не сможет ему помешать.

— А как же Цилан?

— Все просто, – улыбнулся Тан Фань. – Прежде чем развестись, вы двое заключите матрилокальный брак и позволите второму Хэ войти в семью Тан, Цилан тоже сможет сменить свою фамилию на “Тан”, а затем вы разведетесь. После вашего развода Цилану не придется возвращаться в семью Хэ, поскольку он станет частью семьи Тан.

Услышав это, Тан Юй уставилась на него, открыв рот:

— А так… так можно?!

Тан Фань одарил сестру лукавой улыбкой:

— В законе Мин не сказано, что нельзя.

Тан Юй потеряла дар речи.

Если бы ее брат со своим-то интеллектом все-таки решил найти себе жену, думается, все барышни из обеспеченных семей столицы, бы плакали и заламывали себе руки, желая войти в семью Тан?

Но, к слову, Тан Фаню и делать ничего не нужно. Он даже так способен собрать целый букет цветов персика*.

Подумав о словах, что сказал ей прежде Суй Чжоу, Тан Юй тайком вытерла выступивший на лбу пот.

***

Послесловие автора:

Примечание: На самом деле в девятнадцатый год правления Чэнхуа никакого дополнительного императорского экзамена не проводилось.

Господин Тан временами глуповатый, временами умненький. Когда глуп, умирает смертью глупых, а когда умен, умирают другие. Это просто невыносимо [пока-пока]

Что именно господин Суй сказал сестре Тан? Можете сами додумать…

Кое-кто спросил меня: “Изначально это был детектив, но внезапно из ниоткуда взялись стражи гробниц и стражи преисподней. Не превратился ли роман в фэнтезийный бред?”

На самом деле, я очень хотела написать роман, где все происходящее можно описать с научной точки зрения, но дело о демоне-лисе, о котором говорится в самых первых главах, было описано в “Истории Мин”. 1. В историю Мин не включали бы мелкие и незначительные дела. 2.

Если бы свидетелей было мало, дело бы не наделало столько шуму.

А свидетелей было много. Кроме того, этот инцидент не только был связан с сектой Белого Лотоса, но и непосредственно способствовал основанию Западной Ограды, о чем тоже говорится в романе.

Если вы хотите рассматривать вопрос с точки зрения фэнтези, то тогда этот роман раскритикуют за пропаганду феодальных суеверий. Дабы дать какое-то разумное объяснение, я связала его с иллюзиями и маскировкой. Тогда становится понятно, почему многие, включая императора, видели его, будучи в трезвом уме и рассудке.

Иллюзии и маскировки, которые современным людям и не снились, существуют; в водах Лохэ водятся существа, что считаются вымершими; а бредущие стражи преисподней – природный феномен. Все это не такая уж и редкость, и не фантастика.

Кроме того, было бы неправильно подсовывать командиру Суй каких-то тигров, львов или крокодилов, с его-то силами. Он мужчина достойный стража гробниц!

(□_,□)

Суй Чжоу: …

Страж гробниц: Но нам не нравятся люди…

***

Примечания переводчика:

* - □□□ (привлекать цветы персика) - добиваться внимания, покорять сердца.

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) бесплатно доступна уже 105 глава.

ДО КОНЦА НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКОВ ДЕЙСТВУЕТ НОВОГОДНЯЯ АКЦИЯ НА ГЛАВЫ 50%!!!

Платные главы в группе (vk.com/chssn) всего за 100 руб./мес.

http://tl.rulate.ru/book/50212/2608700